

ПРЕДИСЛОВИЕ

В основе этой книги — телевизионный проект: еженедельные шести-семиминутные реплики, начинающиеся словами «100 лет назад такого-то числа такого-то года...» То есть Гражданская война в России в книге неуклонно идёт неделя за неделей.

В конце книги — маленькая повесть. Семейная история о любви на фоне Гражданской войны, которая, начавшись, никак не может закончиться.

1918

18 ЯНВАРЯ

Михаил Булгаков начинает свой роман «Белая гвардия» словами: «Велик был год и страшен год по рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй. Был он обилен летом солнцем, а зимою снегом, и особенно высоко в небе стояли две звезды: звезда пастушеская — вечерняя Венера и красный, дрожащий Марс».

В январе того года новая, большевистская власть приняла решение о переходе с юлианского на григорианский календарь, по которому живет большая часть мира. Разница между ними составляет ровно 13 дней. Поэтому дата Октябрьской революции или Октябрьского переворота, произошедшего 25 октября, у нас отмечалась 7 ноября. Это по новому для нас григорианскому календарю или по новому стилю, по которому мы живем и сейчас.

Так вот 5 января по старому, а 18-го по новому стилю открылось Учредительное собрание.

Учредительное собрание было давней мечтой и главной объединяющей политической целью всей российской оппозиции — от радикально-революционных эсеров и большевиков до умеренных, либеральных реформаторов-кадетов. Еще в 1905 году петиция, с которой в воскресенье 9 января, позже названное Кровавым, питерские рабочие шли к Зимнему дворцу, включает пункт об Учредительном собрании. В феврале 1917 года, когда после отречения царя у власти стало коалиционное революционное правительство, оно назвало себя Временным, поскольку главной своей целью считало подготовку и созыв Учредительного собрания. Это собрание, сформированное путем всеобщих прямых, свободных, общенациональных выборов, должно было принять все важнейшие решения:

о государственном устройстве страны — Республика или конституционная монархия, о структуре власти. Оно должно было принять конституцию нового государства, сформировать его правительство. Большевики, свергнув Временное правительство и захватив власть, отказаться от идеи Учредительного собрания сразу не могли. Поскольку активно агитировали за эту идею. К тому же вместе с вступавшими с ними тогда в союз левыми эсерами они рассчитывали получить на выборах большинство. Они даже честно вместо Временного правительства организовали выборы в ноябре 1917-го — и были разгромлены. Большевики получили 22,5 процента голосов и, соответственно, мест в Учредительном собрании. Их временные союзники — левые эсеры — 5 процентов, в то время как правые социалисты-революционеры — главная крестьянская партия России — набрали более 50 процентов.

Тогда большевики, которые опирались на военную силу, приняли решение разогнать Учредительное собрание. Таврический дворец, где проходило собрание, был окружен силами большевистских латышских стрелков. Рабочая демонстрация в поддержку собрания была расстреляна большевиками из пулеметов. Самому собранию в самом начале было предложено безоговорочно одобрить написанный Лениным проект Декларации прав трудящихся и эксплуатируемого народа. Его текст зачитал с трибуны Яков Свердлов. Собрание его принять не могло. Во-первых, составляющие большинство умеренные социалисты радикальную политическую линию большевиков считали неприемлемой, экстремистской, авантюристичной и просто губительной для страны. А во-вторых, Декларация содержала плохо скрытый ультиматум самому собранию — или капитуляция и по сути политическое самоубийство, или роспуск. Собрание во главе с избранным председателем — авторитетным лидером эсеров Виктором Черновым сдаваться отказалось. При близости целей между эсерами и большевиками их расхождения были принципиальными. Вместо хаотического земельного передела, начатого большевиками и левыми эсерами, правые, или просто эсеры, предлагали обеспечить крестьянам прочное, гарантированное право на землю. То есть эсеры выступали за закон, большевики — за революционную законность, то есть рассчитывали на силу оружия. Чернов предложил вынести разногласия на всенародный референдум. Большевики

и левые эсеры в ответ покинули парламент. Собрание продолжило работу. Утром следующего дня начальник караула анархист матрос Железняков заявил, что «караул устал». Но это еще не был конец. Они еще поработали, потом решили немного поспать, а когда собрались снова у Таврического дворца, двери были закрыты. Большевики заявили о роспуске собрания. Рабочие одного из питерских заводов предложили депутатам продолжить заседание на территории их предприятия. Чернов был за, но большинство его однопартийцев выступили против из опасения, что большевики расстреляют завод из корабельных пушек.

Разгон Учредительного собрания — единственного признанного всеми политическими силами легитимного органа, верховного органа власти новой страны, означал, что большевистское руководство во главе с Лениным и Троцким решилось на однопартийную систему, левых эсеров было мало, они были не в счет. Вскоре большевики порвали и с ними.

С разгона Учредительного собрания с российским парламентаризмом, с открытой, легальной конкуренцией различных политических сил в России было покончено почти на весь XX век. Впереди была Гражданская война.

24 ЯНВАРЯ

11 января 1918 года по старому стилю, а по новому — 24 января, состоялось заседание ЦК партии большевиков. Обсуждают вопрос — выходить или не выходить из войны с Германией. Ситуация к 24 января 1918 года выглядит следующим образом. Большевики на следующий день после захвата власти приняли Декрет о мире с предложением всем немедленного заключения перемирия и начала мирных переговоров. Немедленное прекращение войны было главным большевистским лозунгом в течение всего 1917 года, именно этим обещанием они соблазнили солдат и матросов.

Солдаты, а по сути своей крестьяне, братались с немцами, спали и видели, что вот-вот вернутся домой, будут пахать, сеять, жить-поживать да добро наживать. Но, как известно, мед-пиво текло, да

в рот не попало. У Ленина были другие планы. Пока на фронте у солдата-крестьянина в руках ружье, самое время перенаправить его против классовых врагов, пообещав все отобрать и поделить. Вопрос в том, как быстро забрать солдат с фронта, но чтобы немцы на опустевшем фронте не начали наступать. Ленин начал выстраивать сепаратные отношения с Германией. В ноябре 1917-го удалось заключить перемирие на месяц, потом продлили. И начали переговоры в Брест-Литовске об условиях сепаратного мирного договора. Хотя никакой единой партийной позиции в отношении Германии еще в помине не было.

В начале января в Брест-Литовск приехал Троцкий. Он появился с четкой целью затягивать переговоры, потому что он, Троцкий, был уверен, что вот-вот в странах Европы вслед за Россией пойдут революции, надо только протянуть недели две-три, и Германия подпишет мир на любых условиях. В реальности в Брест-Литовске Троцкий фактически получил ультиматум. А именно: представителями Германии была принесена карта, на которой была прочерчена граница, отсекающая большой кусок территорий, ранее принадлежавших Российской империи, — Польша, Литва, Курляндия, ряд островов. Так как большевики уже успели провозгласить право наций на самоопределение, немцы на переговорах заявили, что народы указанных территорий сами выберут свою судьбу без вмешательства Петрограда. Так что, господа большевики, если вы с этим согласны — мы подпишем договор, а нет — мы прерываем перемирие и продолжаем войну. Троцкий покинул Брест-Литовск для консультаций и приехал в Питер на следующий день после того, как большевики разогнали Учредительное собрание. Мировая пресса, естественно, писала об этом событии в России. В странах Антанты сочувственное в разных слоях отношение к революционной России резко сменилось на подозрение, что в России возникла диктатура.

Тут же в Европе пошли уже подзабытые слухи о том, что Ленин и Троцкий — германские шпионы, сделавшие революцию на германские деньги. А теперь они к тому же ведут сепаратные переговоры с Германией. Троцкий думал, что если и в России широко пойдут слухи, что Ленин — германский агент, который сдает немцам российские территории, то массовая реакция непредсказуема. Могут просто смести. Поэтому Троцкий предложил: давайте объявим об окончании войны и демобилизации армии, но мир подписывать не

будем. В этой ситуации немцы не смогут начать наступление, потому что мы объявили об окончании войны. А если и начнут наступление, то мы не будем выглядеть германскими агентами.

У видного большевика Николая Бухарина, горячо любимого Лениным, своя позиция. Надо продолжать войну, никакого мира с буржуями, но это будет уже революционная война и нас поддержат европейские пролетарии.

Ленин думал о том, что мир для его власти нужен любой ценой. Ленин пишет 21 пункт доказательств, почему необходимо соглашаться на мир с Германией. Конечно, этот ленинский текст не подлежал публикации в прессе. В нем нет никакой духоподъемной романтики. Но членам ЦК он его зачитал, чтобы сбить их эйфорию от успеха Октябрьского переворота.

Революционную войну вести нечем. «Мой бедный друг, — сказал Ленин Бухарину, — езжайте на фронт и убедитесь, что наши окопы пусты. Мы не можем рисковать своей властью и воевать из-за Польши, Литвы и Курляндии. Нам нужны развязанные руки для победы над буржуазией у себя в стране. Мы не можем зависеть от того, начнется ли германская революция в ближайшие недели».

Большевицкая верхушка слушала в полном недоумении. Провели неофициальное голосование. Большинство набрал Бухарин с идеей мировой революционной войны. Потом Троцкий. Потом Ленин. 11 января, то есть 24 января по новому стилю, собрали официальное заседание ЦК. Опять высказались Бухарин и Троцкий. Ленин перестал сдерживать эмоции: «Германия только беременна революцией, но не следует путать второй месяц с девятым. Нам срочно нужен наименее худший мир с Германией». Перед голосованием Ленин коротко переговорил с Троцким. Ленин сказал, что согласен с его вариантом — тянем переговоры с Германией, а потом, как это у вас, — армию демобилизуем, а мирный договор не подписываем. И спросил: «Ну, вы же не поддержите при голосовании Бухарина?» «Ни в коем случае», — ответил Троцкий. Ленин засмеялся: «Мы рискуем потерять Эстонию и Ливонию, но ценой доброго мира с Троцким. За это стоит заплатить Эстонией и Ливонией».

При голосовании Ленин выиграл. Это очень занимательный эпизод нашей истории. Свободная внутривнутрипартийная дискуссия по острейшему политическому вопросу. Но не стоит умиляться. Эти ин-

теллекуалы решали практический вопрос — как удержать власть. 24 января 18-го года постановили: удерживать власть будем любой ценой. Что и сделали.

9 ФЕВРАЛЯ

27 января 1918 года по старому стилю, то есть 9 февраля по новому, большевистская власть приняла «Основной закон о социализации земли».

Всякая собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы отменяется навсегда. Земля без всякого выкупа отныне переходит в пользование всего трудового народа. Распределение производится на уравнильно-трудовых началах, и никакой частной собственности на землю.

До этого закона о социализации земли был Декрет о земле. Пожалуй, самый звучный большевистский декрет, принятый на следующий день после Октябрьского переворота. На самом деле большевики позаимствовали этот декрет у партии эсеров и присвоили себе лавры борцов и страдальцев за вековую мечту российских крестьян.

В действительности ни Ленина, ни Троцкого, ни Сталина, никого из лидеров большевизма судьба крестьян не интересовала вообще. Более того, они рассматривали крестьянство как обузу и лишний элемент в их теоретических выкладках. Ведь что интересуют мужика? Только кусок земли. Это мелкобуржуазный по сути, это не революционный класс. Интерес могут представлять только самые бедные и ленивые, они не привязаны вообще ни к чему, их можно соблазнить захватом чужого добра. Большевики, собственно, до Октябрьского переворота и не позиционировали себя как радетелей за решение большого крестьянского вопроса. Крестьянской партией были эсеры. С 1906 года эсеровская программа предлагала конфисковать помещичьи имения и земли. Именно этим исчерпывалась мечта большинства крестьян. И что характерно, это большинство не хотело для себя никакой собственности на землю. То есть землю хотели, а права собственности на свою землю не хотели. Потому что просто ничего не знали про право собственности.

Рядовой крестьянин он как рассуждал. Мы ж живем крестьянской общиной, и помещик это позволял, и без помещика у нас община. И земля у нас общинная. Всем куски раздаются по едокам, и время от времени передел происходит — ведь кто-то умер, где-то дети родились. Все по справедливости вроде бы. Мы так привыкли. И не нужна нам какая-то собственность. Вот только бы у помещика землю отнять, так вообще всем земли хватит. И будет счастье. И никому невдомек, что эта общинная система, по сути круговая порука, задумана и удобна власти для сбора налогов. Каждая мужская душа обложена податью, и, соответственно, каждой душе надо дать возможность заработать за год, чтобы выплатить подать. Это еще Петр I придумал.

В 1861 году, когда отменили крепостное право, крестьяне не получили всю помещичью землю, и с тех пор все ждали, что царь уладит вопрос с землей. К каждому новому году ждали царского указа. Александру III в начале царствования пришлось официально опровергать слухи о раздаче земли.

В начале XX века, с возникновением Думы, с активизацией политических партий, реальной политической жизни, крестьяне отбросили надежды на царя. Выразителем их интересов становятся эсеры. А уж как только царь отрекся от престола, крестьяне перешли непосредственно к осуществлению своей мечты. То есть начали захватывать помещичьи имения. К осени 1917 года это превратилось в массовое явление. Разбоем охвачено 91,2 процента уездов Российского государства.

Здесь интересно одно обстоятельство. В реальности к концу 1916 года в том или ином виде собственности у крестьян было уже до 90 процентов земли. Им казалось, что если ограбить помещиков, то каждому достанется по 5, 10 или даже 40 гектаров. На самом деле, по оценкам царского Министерства земледелия, рассчитывать можно было всего на полгектара. Дело в том, что в царствование Николая Второго с поразительной скоростью приростало население. В год от 15 до 18 человек на тысячу жителей. Земли на всех хватить не могло. Крестьяне этого не знали.

Поэтому захват помещичьих земель — это главный тренд сезона лето-осень 1917 года. Большевики просто обязаны были дать ему свое имя. Ленин подписал Декрет о земле. А потом последовал «Основной закон о социализации земли».

Что в результате? Частная собственность на землю аннулирована для всех категорий населения. В том числе и для тех крестьян,

которые владели землей. Это около 4 миллионов человек, которые участвовали в столыпинской реформе. Это миллионы крестьян, которые еще к 1907 году выкупили свои земли у помещиков и в любой момент могли вступить в права собственности. Отдельно те инициативные крестьяне, которые покупали землю через Крестьянский банк и купили ее в количестве, равном территории Болгарии. Зимой 1918 года никто не знал, что социализация выльется в коллективизацию. Когда государство организует крестьян в колхозы, потому что так удобно изымать хлеб. А впервые осознание происшедшего придет, когда будет введена продразверстка. То есть когда у всех начнут даром, подчистую забирать весь хлеб, который удалось вырастить. И начнется первый советский голод.

Во всей этой долгой истории русского крестьянства есть один момент, который обычно как-то выпадает из поля зрения. Мы редко обсуждаем крестьянский вопрос, стоя у карты. А зря. Потому что сразу выясняется, что вопрос о земле стоял в стране с немереной территорией. И если отбросить северные, непригодные земли, то все равно остается достаточно, чтобы люди могли жить, работать и зарабатывать. И опыт столыпинской реформы подтвердил это.

Но большинство в стране не было мобильно, страшилось самостоятельности, потому что не знало такого опыта. И все это вследствие того, что политическая система страны не позволяла людям ни мобильности, ни самостоятельности. И большая часть страны оставалась мало освоенной, использовалась в основном для каторги и ссылки. Многие из тех крестьян, кто не рискнул при Столыпине, отправятся на новые земли позже, попадут туда не по своей воле во время раскулачивания. И там им не будет позволено делать то, что они умели лучше всего, — им не позволят кормить страну.

12 ФЕВРАЛЯ

30 января 1918 года по старому стилю, то есть 12 февраля по новому, генерал Антон Иванович Деникин назначен командиром первой стрелковой Добровольческой дивизии. А через неделю он стал заместителем командующего Добровольческой армией генерала Корнилова. По поводу последнего назначения Деникин сказал:

«Идея жуткая — преемственность». То есть перспектива простая: когда убьют Корнилова, заступит он — Деникин.

Ему 46 лет, он генерал-лейтенант. Отец — из крепостных, в армии дослужившийся до майора. Мать — из мелких польских дворян. Сам Деникин по полной использовал существовавший тогда социальный лифт и сделал блестящую военную карьеру. Участник русско-японской войны и Первой мировой, командующий Юго-Западным и Западным фронтами. Свидетель развала армии. Выступил против всякой политики в армии, то есть против Керенского. Поддержал генерала Корнилова в его жестких намерениях восстановить дееспособность армии и фронта. Что характерно, оба генерала, и Деникин, и Корнилов, — сторонники Учредительного собрания, которое должно определить политический строй в России. В течение всей Гражданской войны Деникин будет повторять: «Русский народ сам выразит свою волю, когда закончится стихийное помешательство». Осенью 1917-го и Деникин, и Корнилов по приказу Керенского арестованы. Сидят в тюрьме в Быхове. Их тайно освободит уже после захвата власти большевиками генерал Духонин, который вскоре после этого будет растерзан красными.

И тут начинается совсем другая жизнь Деникина.

Осенью 1917 года под видом польского помещика он едет в поезде, битком набитом солдатами. Лежал на верхней полке, слушал, потом вспоминал: «Во всех разговорах была разлита безбрежная ненависть. О большевиках говорили мало, но революционная истерия легла на душу. Ненависть даже к неодушевленным предметам, к любым признакам культуры. С одинаковой ненавистью рвут в клочья обивку вагонных скамеек, разбивают череп начальнику станции на остановке. Царило одно желание — захватить и уничтожить. Не подняться, а принизить до себя все, что так или иначе выделялось. Враг — всякий, кто умственно и социально выше». Ряжеными тогда ехали все будущие лидеры Добровольческой армии. Корнилов маскируется под хромого старика в стоптанных валенках. Пробирались все на юг, в Ростов. Потому что надеялись на казаков с их традиционными представлениями о свободе и отличной военной подготовкой. Но эти надежды в 1918 году не оправдались. Казаки в станицах вокруг сыты и богаты. Но ничего не дают белым добровольцам. Одни, вернувшиеся с фронта, пропитаны большевистской агитацией. Другие надеются извлечь пользу и из белого и из красного движения. Но красные у них еще не были, казаки еще не знают, что когда те придут — они возьмут все и им отдадут все.